КОТЫ СЧАСТЬЯ

Ника Веймар
Анастасия Руссет
Дария Каравацкая
Людмила Коптева
Катерина Глинистая
Елена Колендо
Ирина Инодина
Ирис Харди
Аксана Кобинец
Диана Лебедь
Ия Поликарпова-Гилевич
Мария Волконская
Анастасия Волжская
Валерия Яблонцева
Анна Осокина
Алена Соловьева
Юлия Макаревич

МИФ

про любовь и чудеса

МИФ Проза

Ника Веймар

Коты счастья

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2027

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веймар Н.

Коты счастья / Н. Веймар — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2027 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281262-2

Это сборник из шестнадцати очень разных, вдохновляющих и немного волшебных рассказов. О тех, кто почти потерял надежду и опустил руки. О том, что счастье порой приходит на мягких лапках совсем не тогда, когда ждешь, и веру в себя и свои силы. О совпадениях и счастливых случайностях… Кстати говоря, ошибаются иногда даже пушистые специалисты отдела учета счастья. И… умеют исправить ситуацию! И научат этому и нас. Ну что ж, «Коты счастья» помогут вам найти свой путь, подарят теплые мгновения и уют. Приятного чтения!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00-281262-2

© Веймар Н., 2027
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2027

Содержание

Информация от издательства 6
Ника Веймар. Котострофа в кофейне 7
Анастасия Руссет. Сказ о Коте Баюне, или Как дурак бессмертие получил 16
Дария Каравацкая. Кружево времени 22
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Коты счастья

Информация от издательства

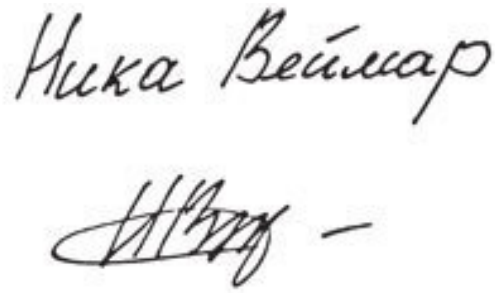
Авторы:
Ника Веймар, Анастасия Руссет, Дария Каравацкая, Людмила Коптева, Катерина Глинистая, Елена Колендо, Ирина Инодина, Ирис Харди, Аксана Кобинец, Диана Лебедь, Ия Поликарпова-Гилевич, Мария Волконская, Анастасия Волжская, Валерия Яблонцева, Анна Осокина, Алена Соловьева, Юлия Макаревич

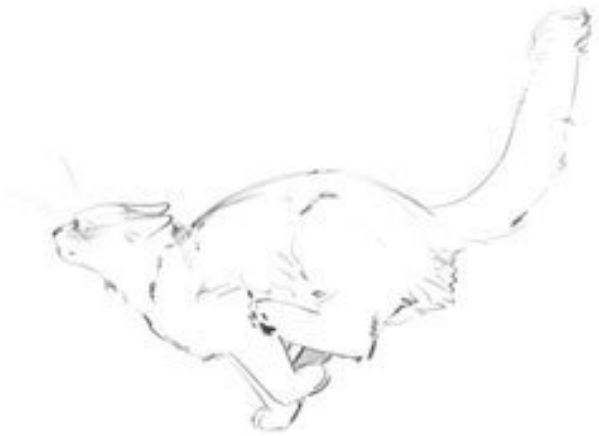
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Веймар Н., Волконская М., Глинистая Е. В., Инодина И. Н., Каравацкая Д. Д., Кобинец А., Колендо Е., Коптева Л. В., Лебедь Д. В., Макаревич Ю., Осокина А. Ю., Поликарпова-Гилевич И. О., Руссет А., Соловьева А., Харди И., Волжская А., Яблонцева В., 2027
© Составительство. Веймар Н., 2027
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

* * *

Ника Веймар. Котострофа в кофейне

Дождь барабанил по стеклам кофейни «Полночное зерно», превращая вечерний город в размытую акварель серых и рыжих оттенков. Я неторопливо протирала стойку, думая о том, что пора бы уже закрываться. Редкие прохожие, похожие на нахохлившихся воробьев, спешили домой. Вряд ли в такую погоду кто-то еще заглянет на огонек. Последний посетитель ушел минут двадцать назад, оставив на столике пустую чашку из-под лавандового латте и щедрые чаевые.

Первая неделя работы выдалась вполне удачной, хоть и долгой. Вот и сегодня к концу дня ноги гудели. Моя кофейня еще не успела набрать популярность, потому я была и за бариста, и за продавца, и за официантку, и за директора по маркетингу (будь он неладен!). Но, кажется, пока я справлялась. Людям нравилась атмосфера уюта и спокойствия, созданная мной в «Полуночном зерне»: деревянные стулья и столик в стиле шебби-шик у окна, аромат свежемолотого зерна, травяные чаи, от которых становилось легче на душе. И это была не просто фигура речи: кое-что я и впрямь умела. Слабенький ведьминский дар, перепавший от кого-то из далеких прапрапра, не наделил меня сверхспособностями: я не могла кидаться огненными

шарами или варить сложнейшие многокомпонентные мази, способные не просто бесследно заживить порез или язву, а даже отрастить палец. Так, по мелочи. Сварить мыло, смывающее не только грязь, но и свежие печали. Залить свечу на удачу или на добрый путь. Ну или заварить особый травяной сбор для ясности мыслей и внутренней гармонии. На такое даже лицензия не требовалась, хотя я все равно ее получила. Знала наших бюрократов из службы магического контроля! Если столь любимого ими документа не было, тут же начинался допрос: а давно ли я замеряла уровень силы, а все ли сборы соответствуют требованиям и не превышается ли допустимая степень воздействия?.. С лицензией разговор с представителями СМК был короче: вот она – со всеми печатями, всего доброго.

…Дождь за окном усилился, кажется, даже громыхнуло, и я окончательно уверилась, что пора закрываться. Скрепив заколкой волосы, чтобы не мешали уборке, направилась к кофемашине слить остатки молока, и тут откуда-то из подсобки донеслось протяжное жалобное:

– Мя-а-а-ау!

Я замерла, прислушиваясь. Вопль повторился – тонкий, отчаянный, пронзительный, явно свидетельствующий, что его пушистый обладатель угодил в серьезную переделку.

– Мя-а-а-а-а-ау! Мя-а-а!

Я бросилась в подсобку. Свет здесь был тусклым (одна-единственная лампочка под потолком), но его хватило, чтобы разглядеть источник шума. Из старой стены вывалился кусок кирпича, а в образовавшейся дыре размером с кулак застрял кот. Точнее, с моей стороны находилась его лучшая половина: упитанный рыжий зад с пушистым хвостом, отчаянно дергающимся из стороны в сторону, и две задние лапы, беспомощно скребущие по кирпичам. Судя по акустике, кот попал в старую вентиляцию. И как только проскочил мимо меня в подсобку!

– Мать-природа, ну как тебя угораздило?! – Я присела на корточки рядом с внезапным гостем. – Ну держись, сейчас что-нибудь придумаем, не бойся…

Я осторожно обхватила ладонями задние лапы, и кот тут же заорал так, что у меня заложило уши. Пришлось отпустить. Попробовала выдавить еще один кирпич, но тщетно: кладка держалась крепко, как проклятие столетней ведьмы. Единственное слабое звено уже выпало, и несчастный любопытный кот намертво застрял. Понимая, что помощь рядом, он умолк, лишь хвост нервно бил по стене да вздымались пушистые бока.

– Тихо, тихо, я не обижу, – прошептала я, поглаживая бедолагу и пытаясь придумать, как же его вытащить.

Применять магию я опасалась. Силовые заклинания мне никогда не удавались. Еще обрушу всю стену целиком, и спасать придется не только кота, но и меня. Нужен был другой вариант… Я обшарила взглядом полки с травами и наткнулась на молоток, который уже третий день забывала унести домой. Пойдет! Бросилась к нему, схватила, и в этот момент деликатно звякнул колокольчик над входной дверью, а следом раздался мужской голос:

– Есть кто?

Еще никогда я так не радовалась посетителю. Выскочила из подсобки, готовясь просить о помощи, и слова застряли в горле.

У стойки стоял мужчина лет тридцати в черной кожаной куртке с высоким воротником, из-под которого выглядывала эмблема, заставившая мое сердце неприятно екнуть, – серебряная руна, заключенная в алый круг. Агентство ликвидации магических аномалий. На правом рукаве незнакомца красовалась нашивка с тремя полосками. Не самый высокий ранг, но достаточный – широкие полномочия.

Темные, почти черные волосы намокли от дождя и прилипли ко лбу. Серые глаза смотрели цепко и внимательно. Маг. Причем сильный – я чувствовала это кожей, всеми нервными окончаниями, как чувствуют приближение грозы или землетрясения. Казалось, даже воздух вокруг него сгущался, становился плотнее, тяжелее. Я невольно сглотнула, неосознанно крепче сжав рукоятку молотка. Визит представителей этой службы обычно не сулил ничего хорошего.

– Я никого не вызывала, – пробормотала я.

– Двойной эспрессо, пожалуйста, – попросил ликвидатор, понимающе усмехнувшись. – Если еще открыто. И если можно, побыстрее, у меня…

– Мя-а-а-а-а-ау! МЯ-А-А-А-А! – разнеслось из подсобки с такой силой, что задребезжали бутылки с сиропами на полках.

Маг моргнул, переводя взгляд с меня на дверь подсобки и обратно.

– У вас там кто-то умирает?

– Кот застрял в стене! – выпалила я, опуская молоток на стойку. Слова полились, как вода из прорванной плотины: – Я не знаю, как он туда влез, дыра совсем маленькая, а он застрял, и я не могу его вытащить, кирпич не поддается, а тянуть боюсь, вдруг ему больно, вдруг задушу, а бить стену магией страшно, вдруг что-то не так сделаю, и он…

Ликвидатор поднял руку, останавливая меня.

– Могу помочь. Покажете?

Я закивала так отчаянно, что заколка, не выдержав, раскрылась, и непослушные рыжие кудри рассыпались по плечам. Провела мага в подсобку и указала на завывающего в стене страдальца. Ликвидатор присел рядом с котом, чутко пробежался пальцами по стене, и там, где он касался кирпичей, вспыхивало серебристо-зеленое свечение.

– Так-так-так, – пробормотал он, склоняясь ближе. – Очень интересно.

Его ладонь окутал мягкий свет, пополз по стене, заливая каждую трещинку, каждую неровность в старом кирпиче. Кот перестал орать, но затрепыхался с удвоенной силой.

– Что? – не выдержала я. – С ним что-то не так?

– С ним все так, – ликвидатор коснулся кошачьей спины, успокаивая паникующее животное. – Сейчас достану. А вот со стеной не все хорошо. У вас тут аномалия.

Страшное слово упало в тишину подсобки, как камень в стоячую воду. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, как похолодели руки, как в животе склизким комом свернулось что-то неприятное и тяжелое.

– Это не мое! – вспыхнула я. – Я сняла это помещение два месяца назад, только закончила ремонт, а эту стену вообще не трогала! Она словно каменная!

– Не ваше, – неожиданно охотно согласился ликвидатор. – Ей лет пятьдесят, не меньше. Классическая пространственная щель, которая грамотно запечатана предыдущим владельцем. Была. Но со временем символы ослабли, а остаточная магия принялась разрушать кладку. Вам повезло, что удалось обнаружить ее до прорыва, иначе…

Говоря это, он чертил на стене какие-то знаки, наливающиеся густым фиолетовым свечением. Закончив узор, оборвал лекцию на полуслове и предупредил:

– Сейчас будет громко.

Не дожидаясь моей реакции, резко взмахнул ладонью, прочертив в воздухе завершающую руну. Громыхнуло так, что на миг заложило уши. Кирпичи осыпались мелкой красной крошкой, и кот с негодующим воплем вывалился наружу, прямо в подставленные руки мага, подхватившего рыжий комок с профессиональной ловкостью и сноровкой.

– Ну вот и наш герой, – усмехнулся он, разглядывая животное. – Куда ты лез, любопытный?

Кот оказался довольно упитанным, рыжим, с белой грудкой и белыми носочками на лапах. Одно ухо было целым, второе – наполовину разорванным, очевидно, в какой-то давней драке. Судя по отсутствию ошейника и недоверчивому взгляду, профессиональный бродяга. Фыркнув, кот недовольно тряхнул головой, осыпая мага кирпичной пылью, спрыгнул на пол и с достоинством уселся у стеллажа, начав вылизывать помятую измазанную шерсть. Сосредоточенно, методично, с таким видом, будто подсобка принадлежала ему и он нас сюда не приглашал.

– Похоже, с ним все в порядке, – констатировал ликвидатор, вставая и отряхивая руки от пыли. – А вот с вашей кофейней не все гладко. Аномалию нужно закрыть, иначе через неделю-другую здесь проявится что-нибудь неприятное. Крысы величиной с собаку, например.

– И сколько это будет стоить? – обреченно спросила я. – Ну, чтобы побыстрее решить вопрос.

Тянуть было не в моих интересах. До ликвидации аномалии агентство вполне могло потребовать закрыть кофейню. Тем неожиданнее оказался ответ:

– Нисколько. Это моя работа. И раз уж я так удачно оказался здесь, предлагаю сегодня же и разобраться с вашей аномалией. – Маг отогнул край куртки, демонстрируя эмблему. – Стас Северин, агент третьего класса. И все-таки буду очень признателен за двойной эспрессо.

– Да, конечно! – Я обрадованно кивнула и тоже представилась: – Лиза. Лиза Василевская. Может, что-то еще? У меня остался трюфельный медовик.

– Кофе будет достаточно, – спокойно отказался Стас.

Он направился к выходу и через несколько минут вернулся с небольшим чемоданчиком с эмблемой агентства. Снял мокрую куртку, повесил на вешалку. Я протянула магу стаканчик кофе, а мой взгляд так и прикипел к кожаным наручам с фиолетовыми кристаллами и светящимися символами. Ого! Так он не просто ликвидатор, он специалист по магическим печатям! Фиолетовые кристаллы носили именно они. Вот это повезло!

– Скорее всего, вы задели печать во время ремонта, – пояснил Стас, раскладывая инструменты. – Так бывает в старых домах. Печати накладывали наспех, во время последней войны или сразу после, когда аномалий было много, а специалистов мало. Со временем символы начали разрушаться, а ваш ремонт просто ускорил процесс. Ничего, сейчас все исправлю.

Он работал сосредоточенно и быстро, уверенными четкими движениями чертя медным стилусом знаки прямо на кирпичах. Символы вспыхивали один за другим, складываясь в единую систему, словно разрозненные ноты в мелодию. Я тем временем забила в поиск адреса ближайших ветклиник и нашла ту, что работала круглосуточно. Кот же запрыгнул на свободную полку на стеллаже и улегся, внимательно наблюдая за тем, как агент Северин запечатывает аномалию.

Я отыскала картонную коробку и, прикинув размеры кота, сочла ее вполне подходящей на роль временной переноски.

– Готово, – сообщил ликвидатор, поднимаясь.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я и предложила: – Может, еще кофе?

– Буду признателен, – согласился он. – Лиза, кажется, вы еще что-то говорили про трюфельный медовик? Я понимаю, что уже… – он глянул на часы, – начало одиннадцатого и вы не обязаны…

– Мне несложно, – перебила я. – Вы тоже не были обязаны задерживаться.

– В таком случае я вас подвезу, – решил мужчина, доставая бумажник. – Сколько с меня за два кофе и кусок торта?

– За счет заведения, – улыбнулась я.

Рыжий кот тем временем совсем освоился. Вышел из подсобки, по-хозяйски прошелся по кофейне, с интересом принюхался к пустому пакету из-под молока и облизнулся.

– Извини, дружок, взрослым котам молоко вредно, – я погрозила ему пальцем. – Но дома есть куриная грудка.

– Вы его заберете? – поинтересовался Стас.

– Конечно! – Я даже слегка удивилась вопросу. – Не на улицу же его выкидывать. Тем более что рыжие коты к счастью. А конкретно этот кот еще и аномалию в моей кофейне обнаружил. Я умею быть благодарной.

– Правильно, – ликвидатор улыбнулся. – Коты в кофейнях необходимы для атмосферы. Я так понимаю, вы ведьма?

– Слабенькая, – призналась я. – Травничество, легкие защитные чары, немного целительства. Ничего запрещенного. И лицензия у меня есть.

– А разве она вам нужна? – удивился ликвидатор.

Я посмотрела на него с благодарностью. Ну хоть кто-то в курсе, что нет!

– С ней спокойнее, – просто пояснила я.

Мужчина допил кофе и поднялся. Предложил:

– Помочь вам усадить этого бандита в коробку и отвезти домой?

Я смущенно кивнула, а кот презрительно взглянул на него, поднялся и, к моему удивлению, прошествовал к коробке сам, гордо задрав хвост. Запрыгнул в нее и улегся. Я, не выдержав, негромко рассмеялась. Не бандит, а профессор! Может, так и назвать?.. Оценивающе взглянула на кота, мысленно примеряя новое имя, и покачала головой. Нет, не подходит. Профессора не застревают в стенах, а потом не воют в вентиляцию.

– Чайковский! – я щелкнула пальцами. – Точно!

Кот шевельнул ушами и прикрыл глаза. Похоже, он не возражал.

– Орал он и впрямь музыкально, – хмыкнул Стас, надевая куртку. – Не каждый день такое услышишь.

– А вам часто приходится спасать котов? – не удержалась я, поднимая коробку с Чайковским.

Стас усмехнулся, и усмешка эта вдруг сделала его моложе, смягчила усталые черты лица.

– Первый раз. Обычно я закрываю бреши, из которых лезут твари похуже. Импы, тениворишки, иногда – элементали, если аномалия сильная. Один раз пришлось аннигилировать нечто, похожее на осьминога из кошмаров. Три щупальца, пять глаз, и орала эта тварь как банши.

– Звучит так себе. – Я поежилась.

– Рутинная работа агента по ликвидации аномалий. – Он пожал плечами. Не хвастался, просто констатировал факт. – Так что этот рыжий и пушистый внес приятное разнообразие в трудовые будни. Да и всегда приятно помочь милой девушке.

Я слегка смутилась от неожиданного комплимента. Ведьмы были невезучи в любви, и здесь мой слабенький дар, увы, себя тоже проявил. Окажись на моем месте кто-то другой, и история совместного спасения Чайковского могла бы перерасти в красивую романтическую сказку… Тряхнув головой, отогнала глупые мысли. Вышла следом за ликвидатором, закрыла кофейню и села на заднее сиденье его машины, поставив коробку с котом на колени.

Визит в ветклинику меня приятно поразил. На удивление бродячая жизнь не наградила Чайковского всякими неприятными болячками вроде лишая. Кот был здоров как бык! Стас благородно дождался нас в холле, после настоял на том, чтобы заехать в круглосуточный гипермаркет и купить коту «приданое». Оплатил сам, а на мои попытки возразить заявил, что чувствует ответственность за спасенного и хочет принять посильное участие в жизни Чайковского.

К моему дому мы приехали около часа ночи. Стас дождался, пока я зайду в подъезд, и лишь тогда уехал. Номер телефона не попросил, и я тихонько вздохнула про себя. Вот и все, знакомство снова завершилось ничем. Зато у меня теперь есть кот.

Чайковский оказался умницей. Сразу освоился и обновил лоток, с удовольствием полакомился влажным кормом и устроился рядом со мной на диване, тихонько мурлыкая. Так, под его уютную песенку, я и заснула.

А вот утром кот наотрез отказался оставаться один. Ходил за мной хвостом, жалобно мяукал и всем своим видом показывал, что погибнет в одиночестве. Пришлось смириться, открыть купленную накануне переноску и вызвать такси.

В кофейне он тут же устроился на подоконнике, жмурясь на утреннем солнце. Чисто вымытая шерсть переливалась золотистыми искорками. И живая реклама сработала! Люди, проходя мимо витрины, замедляли шаг, а после решительно сворачивали к двери. Брали кофе

навынос, гладили Чайковского и уходили с улыбками на лицах. Некоторые даже фотографировали стаканчик латте или эспрессо на фоне дремлющего кота. У меня еще никогда не было столько посетителей!

Наконец людской поток иссяк, и я воспользовалась передышкой, чтобы нарезать медовик. Если так пойдет и дальше, к вечеру десертов не останется. Может, заказать еще, пока не поздно?

Над входной дверью звякнул колокольчик, и я обернулась, приветливо улыбаясь очередному посетителю. На пороге стоял Стас Северин.

– Доброе утро, Лиза, – произнес он. – Двойной эспрессо навынос, пожалуйста. Без сахара.

Приложил карту к терминалу и, пока я готовила кофе, присел за столик. Погладил лежащего на подоконнике Чайковского, и тот довольно замурлыкал.

– Я хотел узнать, как кот, но вижу, что он в полном порядке, – произнес Стас.

– Живет свою лучшую жизнь, – кивнула я. – С утра съел полбанки тунца и устроил скандал, когда понял, что я планирую оставить его одного. Ругался по-кошачьи и бросался под ноги. Пришлось взять его с собой на работу.

– Коты отлично справляются с дрессировкой людей, – усмехнулся ликвидатор. – Хорошего дня.

Взял свой кофе и вышел. Я проводила его задумчивым взглядом. Надо же, какой ответственный. А ведь мне на мгновение показалось… Впрочем, глупости! И вообще, я собиралась заказать еще десертов! Но мысли то и дело возвращались к Стасу Северину. Я бы хотела увидеть его снова.

И желание исполнилось! Стас заезжал каждый день в одно и то же время и брал двойной эспрессо навынос. Это стало ритуалом: утренний кофе, несколько дежурных фраз, иногда короткий разговор, если время позволяло. Я ждала этих визитов. Начала просыпаться раньше, чтобы успеть сделать легкий макияж и собрать волосы не в небрежный пучок, а в аккуратную косу. Чайковский наблюдал за этими приготовлениями с нескрываемым интересом, и в зеленых глазах плясали озорные огоньки. Он все так же ездил со мной на работу, и я не возражала. Кот стал живым талисманом кофейни, и многие посетители заглядывали, чтобы погладить Чайковского – на удачу. И конечно, что-нибудь купить.

А через неделю случилось кое-что странное. Стас, как обычно, заехал утром, забрал двойной эспрессо, перекинулся со мной парой слов и вышел. Но тут же заскочил обратно, и вид у него был крайне встревоженный.

– Лиза, у вас есть камера? – спросил он.

– Нет, – покачала я головой. – Что-то произошло?

– Похоже, кто-то угнал мой седан.

Я охнула. Кому понадобилась машина с эмблемой агентства ликвидации аномалий? Стас тем временем открыл приложение на телефоне и нахмурился.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он. – Трекер показывает, что машина рядом.

Он вышел из кофейни, и я выскочила за ним. Обогнув здание, мы оказались на заднем дворе возле мусорных баков. Седан был там, аккуратно припаркованный у бордюра. А внутри на приборной панели развалился Чайковский.

– Хитрая рыжая морда! – с чувством произнес Стас, разблокировав двери. – Просочился в приоткрытое окно и умудрился активировать автопилот! Брысь из машины!

Потревоженный кот закончил принимать солнечные ванны, царственно потянулся и неторопливо спустился на сиденье, а оттуда спрыгнул на асфальт. И в каждом его движении читалось: он, Чайковский, решил выйти сам. Распоряжения какого-то двуногого ни при чем!

– Может, кусок торта? – предложила я. – В качестве извинений за этого… виртуоза!

Стас задумался на мгновение, затем с сожалением покачал головой:

– Спешу. Но могу заехать вечером. И только с условием, что вы составите мне компанию.

– Ты, – поправила я. – Хорошо.

– Тогда до вечера.

Ликвидатор поднял недовольно мяукнувшего Чайковского и протянул мне. С котом на руках я вернулась в кофейню, чувствуя, как губы то и дело расползаются в счастливой улыбке.

…Стас приехал к закрытию. Привез банку тунца для Чайковского и горшочек с живыми тюльпанами для меня. Удивленно приподнял бровь, когда я поставила на стол коробку с пиццей.

– Я решила, что обещанный тортик подождет, – пояснила я. – Ты наверняка голодный. Не знала, какую ты любишь, взяла самую мясную.

– Ты не поверишь, – негромко рассмеялся ликвидатор. – Подожди минутку.

Он вышел к машине и вернулся… с двумя коробками пиццы. Из той же сети!

– Я тоже не знал, какая тебе нравится, поэтому взял «Четыре сыра» и «Ассорти».

– Я ем все, – заверила я. – Но больше всего люблю пиццу с ананасами. Вкусы у ведьм специфичны.

– У нас много общего, – неожиданно широко улыбнулся Стас. – Мне она тоже нравится.

– Тебе как обычно? – уточнила я, направляясь к кофемашине.

– Нет, – покачал он головой. – Завари мне что-нибудь на свой вкус. То, что считаешь нужным.

Удивил! Но отказывать я не стала. Руки сами потянулись к нужным баночкам. Немного иван-чая, пара листиков мелиссы, три бутона белых роз, веточка чабреца, сушеная вишня и цедра лимона. И щепотка имбиря как завершающий штрих. Идеальное сочетание, чтобы мягко восстановить силы. Стас выглядел усталым, хоть и пытался это скрыть. Наверняка день выдался тяжелым.

Эта спонтанная вечерняя встреча (нет, я все еще не хотела называть ее свиданием!) выдалась уютной и теплой. Мы ели пиццу, смеялись и болтали обо всем на свете. О работе, о жизни, о мелочах. Я рассказывала про то, как открывала кофейню и делала ремонт, про посетителей, про травы. Стас – про аномалии, про коллег, про те редкие случаи, когда работа приносила не только усталость, но и удовлетворение.

Потом он отвез нас с Чайковским домой и наконец-то предложил обменяться номерами телефонов. На всякий случай. Конечно, это еще ничего не значило, но в квартиру я поднималась с мечтательной улыбкой. А мысли о том, что утром мы снова встретимся хотя бы на пять минут, грели сердце.

* * *

Номер телефона пригодился раньше, чем я думала. Следующим же вечером, выпуская Чайковского из переноски, я услышала, как что-то звякнуло внутри. Запустила руку, разворошив пледик, и вытащила связку ключей. Не моих.

Чайковский с невинной мордой сидел на пуфике и умывался. Но я могла поклясться, что в зеленых глазах кота мелькают хитрые искорки. Я почти не сомневалась в личности хозяина ключей. И когда только Чайковский успел стащить их! Стас ведь провел в кофейне всего пять минут! Мама, я воспитала кота-клептомана…

Достав смартфон, я отыскала нужный контакт и нажала иконку вызова. Стас ответил почти моментально.

– У меня странный вопрос, – проговорила я. – Ты ключи не терял?

– Откуда ты… – начал было он, но осекся. – Они в кофейне?

– Они у меня дома, – вздохнула я. – Кое-кто рыженький нашел себе новую игрушку-погремушку и старательно закопал в плед в переноске. Только сейчас обнаружила. Заберешь?

– Буду через полчаса, – коротко ответил он.

Я отправила сообщением номер квартиры и код подъезда и пошла на кухню. Как раз успею обжарить домашние блинчики с сыром и курицей. Чайковский вился в ногах, выпрашивая угощение, но в этот раз я была непреклонна. Не заслужил!

Стас позвонил в мою дверь ровно через полчаса. Он выглядел измученным: волосы растрепаны, на лбу блестела испарина, куртка испачкана чем-то, что подозрительно напоминало болотную тину.

– Плохой день? – сочувственно спросила я, едва он переступил порог.

– Кошмарный. – Ликвидатор опустился на пуфик в прихожей так тяжело, словно на нем были гири вместо ботинок. – Аномалия в пруду в заброшенном поместье. Там была целая куча мутировавших ужей, головастиков и жаб. От кваканья в ушах звенит. Пока их аннигилировал, пока поставил печать… Вернулся домой и понял, что ключей нет. Решил, что выронил там, у пруда. Два часа с фонариком искал.

Я укоризненно посмотрела на Чайковского. Тот ответил мне фирменным невинным взглядом: мол, котик ни при чем, котик ничего не брал, ему подкинули враги!

– Наглая рыжая морда, – вздохнула я. – Мне кажется, ты ему нравишься.

– Взаимно, – устало улыбнулся Стас. – Рыжих невозможно не любить.

И ведь наверняка ничего такого не имел в виду, но у меня от его слов сладко замерло в груди. Чтобы скрыть смущение, я бойко произнесла:

– Кстати, у меня как раз готовы блинчики с курицей. Мой руки и проходи.

Отказываться он не стал. Но когда после ужина засобирался домой, мирно дремавший на когтеточке Чайковский моментально проснулся, спрыгнул и встал у двери, перекрывая путь.

– Кот, успокойся, на улице ночь, и мы никуда не идем, – произнесла я.

Протянула ладонь, чтобы погладить питомца, но тот увернулся и встал возле ног Стаса. А потом и вовсе лег на его ботинки.

– Кажется, он не хочет, чтобы я уходил, – негромко хмыкнул мужчина.

Чайковский одобрительно мурлыкнул, словно подтверждая его слова, и сильнее прильнул к ботинкам, обняв их лапками.

– Рыжий манипулятор. И что нам с этим делать?

– Не знаю, – я пожала плечами. – А ты? Ты хочешь уйти?

Стас покачал головой, не сводя с меня взгляда. Протянул руку, осторожно убрал прядь волос с моего лица, заправил за ухо, и от этого прикосновения по коже пробежали мурашки.

– Может, ему и правда виднее, – тихо произнес он. – Коты чувствуют магию лучше людей. Может, чувствуют и… другое.

– Может, – прошептала я.

Стас пах хвоей и чем-то терпким, магическим, и от этого запаха кружилась голова. А еще он был слишком близко, и я видела каждую ресничку, каждую мелкую морщинку у глаз, тонкий, едва заметный шрам на скуле, о котором давно хотела спросить, но не решалась. Ликвидатор шагнул ближе, и я затаила дыхание, чувствуя, как колотится сердце.

– Лиза, – проговорил он. – Я… я плохо разбираюсь в таких вещах. В отношениях. У меня работа, которая отнимает все время, и характер не подарок, и ликвидаторы в принципе редко находят себе пару…

– Стас, – перебила его я. – А ведьмы вообще невезучи в любви! Поэтому заткнись и поцелуй меня наконец. А дальше будь что будет.

Он удивленно моргнул, а потом усмехнулся – той самой усмешкой, которая делала его моложе, – наклонился и поцеловал. Медленно, осторожно, словно боялся спугнуть. Его губы были теплыми, нежными, и от этого поцелуя закружилась голова. Кажется, я безнадежно, глупо, стремительно влюбилась в сероглазого ликвидатора с усталым взглядом, и эту сердечную аномалию невозможно было закрыть ни одной печатью. И похоже, она захватила не только меня.

Неделю спустя мы с Чайковским переехали к Стасу. Его квартира была небольшой, по-холостяцки пустой, но я знала, как сделать ее уютной и наполнить жизнью и светом. Пока мы разбирали вещи, кот изучал новую территорию и выглядел абсолютно довольным.

– Знаешь, – сказал Стас вечером, когда мы сидели на кухне и ели пиццу с ананасами прямо из коробки, – я думал, что останусь один. Работа у меня такая: не располагает к семейной жизни. Аномалии не спрашивают, удобно ли тебе сейчас их закрывать, и далеко не каждая женщина станет мириться с ненормированным графиком своего мужчины. А потом я встретил тебя. И кота. И все изменилось.

– Кота? – усмехнулась я. – Значит, кот тоже в списке важных персон?

– Определенно. – Стас посмотрел на Чайковского, который устроился у батареи и дремал. – Две самые важные и любимые рыжие персоны. Без него мы бы не встретились. И я ему за это благодарен.

Я привстала, чтобы поцеловать любимого в щеку.

– Я тоже ему благодарна. Очень.

Чайковский открыл один глаз, посмотрел на нас долгим взглядом, в котором читалось полнейшее удовлетворение, и снова заснул. Его работа была сделана. План по сведению двух одиноких сердец был выполнен, и в мире стало больше на одну счастливую ведьму и столь же счастливого ликвидатора. А что еще нужно одному умному рыжему коту? Разве что дополнительная порция любимого паштета из тунца. Заслужил!

Анастасия Руссет. Сказ о Коте Баюне, или Как дурак бессмертие получил

Баюн зовут меня.

Ну, теперь зовут. Раньше имя другое было, красивое, певучее. Да только имена у людей к человеческой жизни привязаны, а коту какое ни дай, любое сойдет. Хозяйка вот Баюном зовет. Друг мой Михайло – Котофеичем. Деревенские бабки крестятся да шипят, что я *нечисть*. А девки, которых я провожаю к Яге за зельями, называют ласково, да только то не для ваших ушей.

Расскажу, как оно вышло. Не потому, что поделиться охота или пьян я, – просто ночь длинная, а Михайло захрапел еще до пятой кружки. Вот делать совершенно и нечего, разве что язык чесать. А язык, скажу без лишней скромности, – лучшее, что во мне есть. Острее любого меча, слаще любого меда. Он же меня в итоге и сгубил. Или спас?

Был я человеком, самым обычным. Ну, почти.

Мать из странствующих певцов – тех, что ходят по дорогам с гуслями да байками, кормятся песнями и сказами, ночуют где придется и умирают, как правило, в чужих краях. Отца не помню: говорят, тоже был гусляром, да сгинул где-то на восточных путях. То ли утоп, то

ли за слишком вольный язык в канаву столкнули. Всякое случается с теми, кто много говорит и мало думает.

Я в него пошел, в кого ж еще.

Мать умерла рано, родни не было, а зимовать в поле – затея так себе. Потому лет с тринадцати побрел я куда глаза глядят, перебиваясь чем придется. Пел на свадьбах, сказывал байки на постоялых дворах, иногда помогал купцам вести торговые беседы – коли правильно рассказать про товар, покупатель сам деньги достанет да еще спасибо скажет. А рассказывать я горазд был.

Лет в семнадцать попал к одному боярину – тот искал сказителя при дворе. Хорошо жилось: сытно, тепло, крыша над головой. Три года продержался. Потом немного наговорил лишнего про боярскую жену и мельника – та услышала, и пришлось снова запутешествовать. Быстро и без вещей.

Ноги у меня к тому времени были до побегов привычные.

Бродил тогда я еще годов пять – от деревни к деревне, от ярмарки к ярмарке. Зарабатывал на хлеб, иногда на мед. Спал под открытым небом охотнее, чем в чужих домах, – там хоть никто не просил наутро убираться.

Жизнь была нехитрая, но своя. И устраивала она меня вполне.

До тех пор, пока я не добрел до Овражков, деревеньки маленькой, людом забытой. Три улицы, колодец да кузня. Остановился я там на неделю – была ярмарка, а значит, слушатели и монеты.

Там я ее и увидел.

Купаву.

Расписывать не стану – не хочу. Скажу только: была она из тех, на кого смотришь и понимаешь, что все слова, которые ты знал раньше, – все не те.

Смеялась – как колокольчики. Сердилась – как гроза. Глаза темные, коса до пояса, а ходила так, будто земля под ней была рада.

Я, понятное дело, влюбился. Немедленно и окончательно.

А Купава на меня даже и не посмотрела.

Ну, почти.

Иногда смотрела – когда я пел.

Но тут любая смотрит, то не считается.

Остался я в Овражках. Сперва на месяц, потом на зиму, потом как-то само собой вышло, что осел. Помогал кузнецу с торговыми делами, пел по праздникам, чинил заборы – все, что попросят. Непривычно было, да только рядом с ней и непривычное казалось правильным.

Привыкла Купава ко мне немного, появилось узнавание во взоре, когда случайно взгляд на меня кидала. Я так рад был – хоть что-то. Еще думал, пообвыкнет, улыбаться начнет – можно и свататься.

А потом она заболела.

Началось с малого: кашель, слабость. Деревенская знахарка дала отвары, велела лежать. Купава отлеживалась три дня, потом вышла в огород – и снова слегла, уже хуже. К зиме почти не вставала. Я знахарке последние монеты таскал, помочь уговаривал. Та качала головой да отнекивалась, будто уже знала исход. Приезжал лекарь из ближнего города – взял плату, выписал снадобье, уехал. Снадобье не помогло.

А по весне Купаве совсем плохо стало. Я уже с отцом ее сдружился, в дом стал вхож – все язык мой помог. И вот сидел у ее постели, держал за руку и думал, что это неправильно. Что такие люди не должны вот так просто угасать в маленькой деревне, когда им нет еще и двадцати. И что мир устроен скверно и пусть я и умею складно говорить, а сделать все одно ничего не способен. И такая злость взяла, такая досада, что хоть волком вой.

Встал я, собрал котомку. Спросил у старухи-соседки, которую за глаза ведьмой величали, есть ли хоть кто, чтоб помочь. Та долго смотрела на меня, а потом сказала:

– Есть одна. Только ты к ней не ходи.

– Отчего же?

– Дорого берет.

Поблагодарил я да и пошел в лес, потому что, как ни уговаривала меня бабка, а тропинку заветную указала. Долг ее такой был – нерадивых за горем отсылать. Таких, как я.

Лес встретил недобро. Путал тропы, гнал ветром в лицо, а под конец завел в болото по колено. Я боялся, чертыхался, выбирался, но все одно шел дальше. Не до того, чтоб сдаться, мне было. Злость, она хорошо храбрости помогает – ничему другому просто не остается места.

Хату нашел я к вечеру второго дня.

Стояла она на опушке – никаких там костей на заборе или черепов со свечками. Просто дом. Добротный, с резными наличниками, белеными стенами, с серой кошкой на крыльце. Кошка на меня посмотрела долгим немигающим взглядом, только что не плюнула.

Я ей кивнул. На всякий случай.

– Ну, заходи уже, – сказали из-за двери прежде, чем я успел постучать. – Стоишь там, топчешься.

Яга оказалась не такой, как в байках. Высокая, прямая, в темном платье. Волосы седые, убраны строго, а лицо красивое – из тех, по которым не угадаешь возраст, потому что возраст тут и не ночевал. Глаза только в памяти до сих пор – как у кошки на крыльце. Смотрят и видят все.

Я зашел.

За столом оказалось на двоих накрыто.

– Ждала? – спросил я.

– Два дня уже, – сказала она без всякого выражения. – Садись.

Я сел. Еда была хорошая: щи, хлеб, пирог, моченые яблоки. Я ел и молчал, потому что чувствовал: торопиться не надо, она сама скажет, когда придет нужное время. Яга же ела неспешно, то и дело на меня поглядывала. И кошка тоже за мной следила, будто решила за грехи судить прямо тут. Странно было, да что тут поделать.

– Про девку пришел, – сказала наконец Яга. Не спросила – знала она.

– Про нее.

– Плохо ей.

– Плохо.

– И ты решил, что я помогу.

– Надеялся.

Она поставила кружку. Посмотрела на меня – долго, как будто читала что-то внутри.

– Помогу, – сказала. – Зелье дам, от него на ноги встанет. Хворь уйдет, жить будет долго.

У меня внутри отпустило – что-то такое, что я и не замечал, как держало.

– Но, – сказал Яга, – просто так не дам. Плата нужна.

– Какая?

Встала старая ведьма. Принесла свиток со стола – длинный, мелко исписанный, с печатью.

– Контракт, – сказала. – Служба. Бессмертие получишь, облик кошачий – когда надо, когда не надо. И со мной останешься.

– Навсегда? – спросил.

– Пока сам не попросишь отпустить, – ответила.

Вот тут бы мне призадуматься. Вот тут бы мне вспомнить все, что мать рассказывала: про сделки с лесными хозяйками, про мелкий шрифт в договорах и то, что халявы не бывает. Вот тут бы мне прочесть этот свиток от начала до конца, каждую строчку, каждое словечко.

Но думал я о Купаве, и только. О том, как она лежит там и кашляет. О том, что рано утром я уходил, а она смотрела мне вслед – молча, только глазами.

– Давай, – сказал.

И подписал не глядя.

Зелье Яга достала сразу – маленький флакон темного стекла. Велела добавлять по три капли в воду три дня подряд на рассвете.

– Подействует? – спросил.

– Подействует, – сказала. – Я плохого товара не держу.

Взял флакон. Встал уходить.

– Погоди, – сказала Яга. – Контракт в силу войдет, как она на ноги встанет. До тех пор – свободен. Иди.

Я пошел. Ведьма смотрела вслед – молча, тяжело. Долго ее взгляд чуялся, будто всю дорогу на мне ехал и с плеч так и не слез. Потом я часто думал: это она нарочно так сказала? Про свободу, пока не встанет на ноги Купава, нарочно? Знала ведь, что меня зацепит. Наверное, знала. Яга – она такая. Все наперед видит.

Ну да это уже неважно.

Купава поправилась на четвертый день.

Я стоял у окна и смотрел, как она выходит в сад – первый раз за два месяца. Медленно, держась за стену, щурясь от солнца. Потом девка выпрямилась. Вдохнула. Улыбнулась чему-то своему. Я тогда решил, что все правильно. Что любая цена за это – правильная. Но долг-то никуда не девался.

В Овражках оставался я еще неделю. Купава крепла, ходила дольше, смеялась громче. На меня смотрела – по-другому немного, тепло. Я думал: может, скажу ей. Может, останусь совсем. А потом пришел кузнец Добрыня. Здоровый, рукастый, добрый. Смотрел на Купаву так, что и слепой бы понял. Да и она на него так же глядела.

Я понял все в тот же вечер. Сидел на завалинке, смотрел на звезды, и на душе так муторно было! Да только что с тем сделаешь? Ну, с тем, что я Купаве не люб.

Наутро я ушел.

Яга встретила у порога. Смотрела спокойно, без усмешки, без торжества.

Просто смотрела.

Я понял: знала все.

– Пришел, – сказала.

– Пришел, – отозвался я.

– Что ж так скоро?

– Незачем я там больше.

Помолчала. Пустила в дом. Налила квасу.

– Читал, что в свитке было? – спросила.

– Нет.

– Зря.

Я взял кружку. Посмотрел в нее.

– Что там?

– Много чего, – ответила Яга. Взяла свиток со стола – тот самый, – развернула. – Вот, к примеру, пункт третий: «Подписавший обязуется исполнять поручения Хозяйки без возражений и промедления». Это значит: что скажу, то и делаешь.

– Это я понял.

– Пункт седьмой: «Подписавший принимает облик кошачий по усмотрению Хозяйки, а не по собственному». Это значит: когда захочу, тогда и обернешься.

Я помолчал, обдумывая.

– А я-то думал, сам буду.

– Ты много чего думал, – сказала Яга.

Без злобы. Спокойно.

– Пункт двенадцатый, – продолжила. – «Бессмертие действует в пределах разумного и не распространяется на воду глубже трех локтей, огонь открытый и серебро кованое».

Вот тут я поднял глаза.

– Это как понимать – бессмертие в пределах разумного?

– А так и понимать, – ответила Яга. – Глупостей не делай – и проживешь долго.

Я помолчал еще. Потом спросил:

– И сколько таких пунктов?

– Двадцать три.

Кошка на подоконнике чихнула. Мне показалось – насмешливо.

Вот так оно и вышло. Подписал не читая – получил не подумав.

Язык длинный, а ум – нет.

Сам виноват.

Что теперь сказать. Служба у Яги – она разная бывает. Иной раз простая: сходи туда, передай это, проследи за тем. Иной раз мудреная – надо кого-то уговорить, кому-то объяснить, кого-то вовремя остановить от глупости. Тут мой язык пригождается.

Яга – хозяйка умная, зря не посылает. Если отправила меня – значит, нужны именно слова, а не сила.

Я не обижаюсь.

Первое время тяжело было привыкнуть к облику.

Яга оборачивала котом, когда хотела и как хотела. Сижу, допустим, разговариваю с каким-нибудь путником – и вдруг лапы, хвост, уши торчком. Путник пугался. Я тоже, честно говоря, первые разы. Потом привык.

Кошачий облик – он удобный, надо признать. Незаметный. Пройдешь куда угодно, услышишь что угодно. Никто на кота внимания не обращает – ну, сидит и сидит.

Только воды я с тех пор боюсь. Пункт двенадцатый не забывается.

А лет через двадцать Яга стала отпускать меня в деревни – по делу, конечно, но все же. Я уже на ярмарках бывал, и в корчмы захаживал, слушая людей. И байки рассказывал уже не для денег, просто так.

Привычка.

В одной из деревень познакомился я с Михайло.

Михайло – он медведь. В смысле буквально медведь. Вот только он сам по себе такой уродился – тоже история есть, да то его история, не моя. Он, если хотите знать, и сам расскажет. Только надо сначала меду налить, потом подождать, пока расскажет про три урожая и двух братьев, и вот тогда доберется до сути. Я, к слову, с ним так и познакомился: он рассказывал, я слушал. Долго слушал. К утру мы уже были друзья.

Хорошее дело – дружба. Особенно когда больше не с кем.

А Купава умерла лет через шестьдесят.

Я тогда был в дальних краях – Яга посылала с поручением – и не знал. Узнал позже, от странника, который проходил через Овражки.

– Умерла, – говорит, – старуха одна, Купавой звали. Хорошая была, говорят. Прожила долго, дети, внуки.

Я сидел и слушал. Кивал. А ночью ушел в лес и долго сидел там – просто сидел в кошачьем облике, смотрел на луну. Думал о разном.

Думал: вот прожила она жизнь. Настоящую – с кузнецом, с детьми, с внуками, с огородом и коровой. Умерла в своей постели. Старая и, наверное, довольная. А я – вот он. Сижу под елью, бессмертный и облезлый, и впереди у меня еще невесть сколько таких ночей.

Честно говоря, я завидовал. Не ей… Точнее, не то чтобы ей. Просто тому, что у нее был конец. Что все ее кончилось и сложилось, и было понятно: вот жизнь, вот итог. А у меня все продолжается, и конца не видно, и непонятно зачем.

А потом я подумал: ну и что. Зато не умер.

Почти ведь убедил себя.

Вернулся к Яге под утро. Она сидела у печи, смотрела на огонь. Не спрашивала ничего.

– Баюн, – говорит только. – Квас на столе.

И я лакал квас из блюдца.

И было тихо.

И огонь трещал.

И снаружи шумел ветер.

И так было ладно.

Прошло с тех пор много времени. Сколько – не считаю. Без толку считать.

Яга все та же – не стареет, не меняется. Смотрит кошачьими глазами и знает все наперед.

Иногда думаю: может, и правда знала, что так выйдет? Что я приду, подпишу не глядя, вернусь сам? Может, весь этот контракт был написан под меня – под дурака, который влюбился и голову потерял?

Спрашивал однажды. Посмотрела она на меня, усмехнулась – чуть-чуть, краем рта.

– А ты как думаешь? – говорит.

А я думаю: знала. Вот только злости на нее нет. Может, потому, что сам виноват: не читал да не думал, а может, потому что служба у нее не злая. Тяжелая иной раз, да не злая.

Или просто привык.

Михайло говорит: «Ты, Котяра, смирился».

Я говорю: «Ничего я не смирился, просто умный стал».

Он смеется.

Большой такой. Теплый. Лесом и медом пахнет.

Хорошо с ним.

Вот, собственно, и весь сказ.

Не вышло из меня героя. Никого не спас, никакого лиха не победил. Влюбился – не в ту. Подписал – не глядя. Получил – не то, что думал.

Бессмертный кот при лесной ведьме.

Но могло и хуже статься, это точно.

Ладно, пора мне.

Слышу, вон Михайло просыпается в своем стогу – ворочается, сопит. Скоро встанет, потребует меду, начнет рассказывать про трех братьев. Яга к утру даст какое-нибудь поручение – сходи туда, скажи это. Я пойду и скажу. И к ней вернусь. А ночью снова сяду вот так – и буду смотреть на огонь и думать о разном.

О Купаве – иногда.

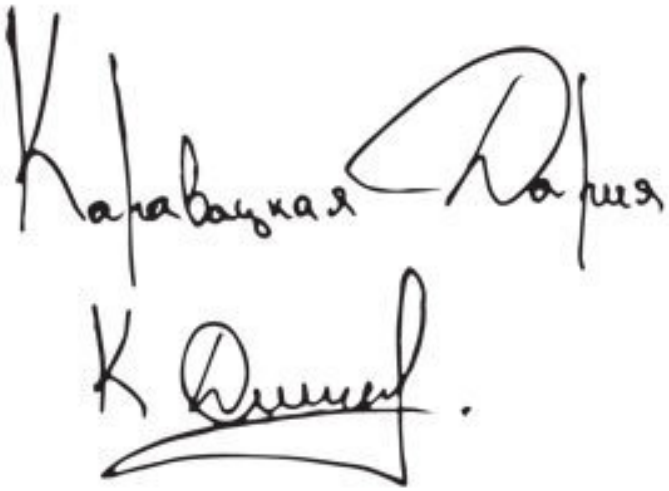
О матери – редко.

О том, что будет дальше, – почти никогда. Незачем загадывать, когда впереди вечность.

Лучше уж байку расскажу.

Я умею.

Дария Каравацкая. Кружево времени

Вечер опускался на город медленно, точно ситечко в чашку с чаем, – сперва робко, потом плотнее, и вот уже за окном, за тройной рамой, все стало густо-синим, а потом и вовсе черным.

Вера зажгла лампу. Настольную, с длинной гнущейся шеей и зеленым абажуром, которая досталась ей еще от бабушки. Лампа эта давала свет ровный, ровный и холодный, как в операционной, и Вере это нравилось. В таком свете не спрячешься, не соскользнешь в полумрак – все видно, все четко, все под контролем.

Перед ней на специальной подушечке, обтянутой черным бархатом, лежал воротничок. Конец девятнадцатого века, машинное кружево, но с ручной подшивкой, хлопок, сильно изношен, есть утраты по краю, в одном месте – аккуратный разрыв, будто его зацепили брошкой. Вера работала уже третий час, и в комнате стояла особенная тишина, какая бывает только в присутствии очень сосредоточенного человека, – натянутая, как звонкая нить в игле.

Она жила одна. Это был не выбор и не случайность, а скорее свойство натуры вроде цвета глаз или формы ногтей. С детства Вера не выносила беспорядка. Мать, женщина суетливая и шумная, говорила: «Верка у нас маленькая старушка. Все по полочкам разложит, все пылинки сдует». Тогда, в детстве, это звучало как похвала. А выбора у нее и не было. Единственный ребенок в семье трудоголиков, главная надежда и опора. Она всегда чувствовала, что должна радовать родных и угождать им. Быть безупречной, оправдать все ожидания и надежды родителей.

Квартирка у Веры была маленькая, в старом доме, но каждая вещь в ней знала свое место. На кухне – ни крошки, ни лишней ложки. В комнате – диван, стол, стеллаж с книгами по истории костюма и реставрации, шкаф с материалами. На подоконнике – ни одного цветка. Вера считала, что цветы – это грязь, осыпающиеся листья и мошки в земле. Ей было достаточно вида за окном: крыши, трубы, изредка птицы.

В последние полгода она особенно тщательно следила за порядком. С тех самых пор, как Савелий…

Вера отложила иглу, сняла очки и потерла переносицу. Сава… Вот ведь имя как вспомнишь – и сразу что-то екает, хотя, казалось бы, прошло достаточно времени. Познакомились они на выставке – он подошел посмотреть ее работу, сказал что-то умное про узор и воздух между кружев. Она тогда даже улыбнулась, что для нее большая редкость. Потом были встречи, чай в кафе, его шутки, ее сдержанные ответы. Ей казалось, сейчас определенно начинается что-то настоящее. Она даже позволила себе помечтать, что вот придет кто-то, кто оценит ее аккуратность, ее преданность делу, ее тихий дом. И ее обязательно примут, полюбят.

А он сказал в тот вечер, когда она впустила его к себе впервые, что-то совершенно иное. Сперва сидел, осматривался и выдал: «Слушай, Вер. А у тебя тут как в музее. Или в операционной, не знаю. Все так чисто, так правильно, пусто… Дышать нечем. Ты даже когда кофе пьешь, наверное, зерна по весам отмеряешь?» Она тогда растерялась, попыталась возразить: «Но ведь порядок – это хорошо. Всему свое место». А он только рукой махнул: «Хорошо-то хорошо, да, блин, тоска смертная… Я, Вер, не хочу быть экспонатом в музее. Мне жить охота. Без линеек и… ну, всего этого». И ушел. Так тихо прикрыв дверь, будто покинул библиотеку.

Вера тогда не плакала. Она села за стол, достала неоконченную салфетку бабушки, с которой никак не могла справиться, и проработала до трех ночи. Сперва челноками доплетала край, а потом взяла в руки тупую иглу. Та ходила ровно, стежок к стежку, и в этом движении было большое успокоение. Вера тогда задумалась: «Значит, надо быть еще лучше. Надо разработать план, продумать детали. Чтобы больше никто никогда не посмел сказать, что во мне что-то не так».

С тех пор она и стала одержима идеальной реставрацией. Не просто восстанавливала вещицы, а безупречно стирала с них все следы времени, все следы жизни. Чтобы все получилось не хуже нового. Чтобы никто и не догадался, что здесь когда-то было пятно, или разрыв, или некрасивый узелок, который завязала чья-то неловкая рука.

Особенно ее мучила одна вещь – фата родной прабабушки Лидии. Вера никогда ее не видела, только на старой, выцветшей фотографии. Прабабушка стояла вполоборота, лицо размыто движением, а вот фата (крупное, ручной работы кружево, явно в венецианском стиле, с тяжелым цветочным узором) была видна отчетливо. Бабушка рассказывала: фата эта была счастливой. Лидия ее на свадьбе порвала, и чинили наспех, но прожила она с прадедом долго и хорошо. А где теперь та фата – никто не знал. Пропала в войну, или сгорела, или просто истлела в сундуке. Но Вера почему-то была уверена: такая прелестная фата существует. И она ее найдет. А после восстановит так, что никто и не узнает, где был тот самый разрыв.

Воротничок был закончен. Вера отложила его, взглянула на часы – половина двенадцатого. Пора спать. Завтра нужно зайти в одну лавку на Подвальной, говорят, там старик торгует

старыми инструментами, может, найдется редкий наперсток с серебряным напылением, какие уже не делают.

Она погасила лампу, и комната сразу стала чужой, наполненной тенями. Вера лежала в постели и смотрела в потолок, на котором играл свет от уличного фонаря. И вдруг, в первый раз за долгое время, подумала о Саве не с обидой, а с чем-то другим. С каким-то смутным чувством, похожим на вопрос: «А вдруг он прав? Вдруг я и правда как музей?»

Но тут же прогнала эту мысль. Утро вечера мудренее.

* * *

Лавка на Подвальной оказалась именно такой, как о ней говорили: незаметная, с покосившейся вывеской «ЧАСЫ. РЕМОНТ. ПРОДАЖА» и окнами, заставленными пыльными циферблатами так, что внутрь и не заглянешь. Вера толкнула дверь – колокольчик звякнул жалобно, точно у него самого какой-то механизм ослаб.

Внутри было темно и густо. Густо от запахов: старого дерева, машинного масла, лаванды (наверное, его использовали против моли) и еще чего-то сладковатого вроде табака или сушеных трав. И время здесь, казалось, текло иначе. Тиканье десятков, а может, и сотен часов накладывалось одно на другое, создавая странную, пульсирующую какофонию, от которой начинала слегка кружиться голова. Одни часы отбивали секунды, другие – четверти, третьи вовсе стояли, но в этом разнобое чувствовался свой особый ритм.

За прилавком никого не было. Вера кашлянула, потом позвала: «Есть здесь кто-нибудь?» В ответ была тишина. Она уже хотела повернуться и уйти, как вдруг заметила движение. На высоком обшарпанном табурете, прямо у кассы, сидел кот.

Огромный, полосатый, с шерстью странного цвета – то ли рыжей, то ли песочной, но с темными подпалинами, из-за которых казался почти золотистым в полумраке. И шерсть у него была какая-то мокрая… Кусочками, прядями, будто он только что пролез под струями воды. Кот сидел неподвижно, точно статуэтка, и смотрел на Веру.

У Веры, признаться, екнуло. Она не боялась котов, но и не любила. Они были для нее источником шерсти, царапин и непредсказуемости. А этот к тому же смотрел слишком пристально. Смотрел так, будто оценивал: своя или чужая, достойная или пустая. Желтые глаза его в полутьме светились слабо, но пристально.

– Кис-кис, – сказала Вера для порядка, чтобы разбавить напряжение.

Кот даже ухом не повел.

– Семен Маркович, ты где там? – раздалось из глубины лавки. – Опять кот твой на дороге сидит, проходу нет!

Из-за тяжелой портьеры, отделявшей торговый зал от жилой части, вышел старик. Невысокий, сухой, с лицом, изрезанным морщинами так густо, будто кто-то нанес на пергамент карту старых дорог. Глаза у него были умные, быстрые и почему-то очень усталые. Он глянул на Веру, на кота, усмехнулся:

– А, Ванька. Опять мокрый? Где ж ты воду-то нашел? В фонтане, что ли? Так он же сто лет как не работает.

Ванька медленно перевел взгляд со старика на Веру и обратно, но с табурета не слез.

– Вам чего, девушка? – спросил старик, протирая очки. – Часы? Или починить что?

– Наперсток мне нужен, – сказала Вера. – Старый, с серебряным напылением внутри, под палец. Для тонкой работы. У вас есть такой?

– Для кружев? – Старик вдруг оживился. – Вы шьете или, может, реставрируете?

– Да… То есть да, реставрирую.

Старик кивнул, будто ответ этот ему о чем-то сказал, и полез куда-то под прилавок, в ящики, зашуршал бумагой. Вера стояла и молча ждала. Кот сидел все так же неподвижно, но

теперь его взгляд был устремлен не на нее, а куда-то в угол, на старый резной комод красного дерева, стоявший у стены.

– Есть у меня такой, – бормотал старик из-под прилавка. – Должен быть. Давно лежит, никому не нужен. А кому нужен, тот не знает, где искать…

Вера хотела ответить, но вдруг кот спрыгнул. Тяжело, с глухим стуком, приземлился на пол, потянулся, выгнув спину дугой, и неторопливо, вразвалочку, направился к тому самому комоду. Подошел, сел перед нижним ящиком и начал его царапать. Негромко, но настойчиво – цап-царап, цап-царап.

– Ванька, – строго сказал старик, выныривая из-под прилавка с запылившейся коробочкой в руке. – Брось. Не балуйся.

Но кот даже не обернулся. Продолжал царапать ящик.

Вера смотрела на это с недоумением. Старик вздохнул, поставил коробку на прилавок, подошел к комоду. Кот тут же отошел в сторону и снова сел, теперь уже глядя на старика с выражением, которое можно было истолковать только как: «Ну, открывай, чего стоишь?»

– Чудит он у меня, понимаешь ли, – как бы извиняясь, сказал старик, отворяя ящик. – Иногда такое принесет – диву даешься. Думаешь, откуда? А он знает. У него нюх на старые вещи. Или чутье. Называй как хочешь.

Он запустил руку в ящик, полный всякого хлама – старых пружин, гаек, обрывков цепочек, – и пошарил там. Он тут же сосредоточился, нащупал что-то и вытащил. В руках лежал небольшой холщовый сверток, перевязанный грубой ниткой.

– Вот, – сказал старик почти шепотом. – А я и забыл, что это здесь лежит. Давно лежит, получается. Ванька принес. Еще когда…

Старик не договорил, протянул сверток Вере. Она взяла с каким-то странным трепетом. Шнурок развязался легко, будто только и ждал. Холст разошелся, и она увидела кружево.

Это был обрывок. Неровный, выцветший, с одной стороны явно оторванный от чего-то большего. Но узор… Нет, этого не могло быть! Узор был тот самый. Абсолютно точно. Тяжелые вьющиеся листья, почти живые, переплетались в сложном ритме. Тот узор, который она видела на фотографии. Который снился ей. Который она искала…

– Откуда у вас это? – выдохнула Вера, чувствуя, как у нее задрожали пальцы. – Это же… Это фата моей прабабушки. Как это возможно? Откуда?..

Старик посмотрел на кота. Ванька сидел, как египетский сфинкс, и жмурился.

– Я же говорю, – тихо ответил старик. – Ванька принес. Где нашел – не знаю. Может, на чердаке где, может, в подвале. А может, и не здесь вовсе. Он у меня, кхм, особенный, так сказать…

Вера смотрела на кружево, и глаза ее застилало туманом. Годы… Годы поисков, запросов в архивы, расспросов дальних родственников – и вот оно здесь, в пыльной непонятной лавке, лежит и ждет ее.

– Сколько? – спросила она, хватая ртом воздух. – Сколько вы за него хотите? Я заплачу любые деньги.

Старик покачал головой.

– Не продается, девушка. Оно не мое. Ванька принес – значит, он и хозяин. А он, – старик кивнул на кота, который теперь демонстративно вылизывал лапу, – он денег не берет. Сам решает, кому отдать. Раз он вам его показал – значит, все, оно теперь ваше.

Вера растерялась:

– Но как же… Я не могу просто так взять. Это же ценность.

– Ценность, – усмехнулся старик. – Ценность не в деньгах. Вон у меня часов сколько – тоже ценность. А никому не нужны. Берите. Видно, такова судьба.

Вера сжала сверток в руках.

– Спасибо, – сказала она, глядя то на старика, то на кота. – Я… я не знаю, как благодарить.

– Благодарите Ванька, – махнул рукой старик. – А как почините, приносите – покажете. Интересно мне, что там дальше будет.

Вера вышла из лавки, прижимая сверток к груди. У двери она оглянулась. Кот сидел и смотрел ей вслед. В луче уличного фонаря из окна его мокрая шерсть блестела, точно серебряная.

* * *

Дома Вера долго не решалась развернуть кружево. Положила сверток на стол, включила лампу, устроилась удобно и просто сидела, глядя на бумажный конверт. Руки дрожали. Она боялась, что, когда развернет, окажется, что это ошибка, что узор не тот, что она обозналась.

Но нет.

Она разложила обрывок на черном бархате. Кусочек был мал – примерно треть всей фаты. По краям сохранились фрагменты, вполне достаточные по узору, чтобы восстановить остальное целиком. Вера смотрела на кружево и видела его как чертеж, как схему. Она уже знала, какие нитки подберет, какими узелками пойдет, где сделает укрепляющую сетку, а где – филигранную подделку.

В ящике стола у нее лежали современные нитки. Лучшие, какие только можно купить. Синтетика с добавлением хлопка – прочные, почти невесомые, с идеальной круткой. По цвету они подходили идеально – рукодельницы прошлого бы обзавидовались.

Вера взяла одну катушку, покрутила в пальцах. Хорошая нитка. Надежная. Такая точно не порвется, не истончится со временем. С ней можно сделать работу, которая прослужит еще сто лет.

Она сделала первый пробный стежок на самом краю. Все было прекрасно. Нитка ложилась ровно, не пушилась, не скручивалась. Но что-то мешало. Какое-то беспокойство, будто за ней кто-то следит. Вера оглянулась – никого. Окно закрыто, дверь заперта. Тишина.

Она взяла иглу, чтобы начать, и вдруг поймала себя на мысли, что боится испортить. Не кружево – что-то другое. То, что было в этом обрывке, помимо ниток…

– Глупости, – сказала она вслух. – Работа есть работа.

Но иглу отложила.

В ту ночь ей приснился сон.

Она стояла на краю поля. Высокая трава, васильки, где-то далеко – лес. Солнце печет, но не жарко, а ласково, как в детстве. И по полю бежит женщина. Молодая, в длинной светлой рубахе, босиком. На голове у нее – фата. Та самая, с цветочным узором. Фата развевается, цепляется за высокие стебли, путается в колосьях. Женщина смеется, запрокинув голову, и бежит прямо на Веру.

Вера хочет крикнуть: «Осторожно! Фату порвете! Остановитесь!» Но голоса нет. Женщина пробегает мимо, даже не взглянув, и Вера видит, как подол фаты зацепляется за сухую ветку, раздается треск – и кружево рвется.

Вера проснулась в холодном поту.

В комнате было темно. Лампа погашена. Ни звука. Только сердце колотится где-то в горле.

Она села на кровати, обхватила колени руками. Сон был такой яркий, такой настоящий. И почему-то было обидно до слез за порванную фату. Будто это она сама испортила что-то важное.

– Глупости, – снова повторила Вера шепотом. – Просто перенервничала, эмоции и все такое…

Она легла, поправила подушку, закрыла глаза. Но долго еще ворочалась, а когда наконец заснула, сны были пустые, без образов.

А в это же время на карнизе сидел большой полосатый кот и смотрел в окно желтыми глазами. Посидел, посидел, спрыгнул и ушел в ночь, оставив на стекле мокрый след от влажной шерсти.

* * *

Утром Вера проснулась с чувством, что ночью случилось что-то важное, но что именно – не вспомнила. Сон ускользнул, оставив только легкую тревогу, как бывает, когда забудешь выключить утюг или закрыть дверь. Она умылась, сварила кофе (строго три минуты, строго одна ложка на чашку) и прошла в комнату, к рабочему месту. На столе лежала фата. Рядом – иглы, челноки и катушки. Вера машинально пересчитала катушки и замерла.

Одной не хватало.

Она перерыла ящики, заглянула под стол, под диван. Нитки исчезли. Та самая катушка с идеально подобранным цветом, которую она вчера с таким удовольствием вертела в руках, пропала.

– Ерунда какая-то, – пробормотала Вера. – Не могли же нитки сами укатиться.

Она подумала, что, возможно, вчера в волнении положила катушку не туда. Или она закатилась куда-нибудь. Но в комнате был такой порядок, что закатиться здесь мог разве что очень решительный и целеустремленный предмет.

Пришлось доставать запасную катушку. Такая же нитка, тот же номер, та же партия. Вера успокоилась, села за работу и к вечеру закончила первый фрагмент – аккуратно, узелок к узелку, восстановила небольшой уголок узора. Работа шла хорошо. Даже слишком хорошо. Нитка слушалась, пальцы не дрожали, и Вера поймала себя на мысли, что вчерашнее волнение было напрасным. Она профессионал. Она справится.

Наступила ночь. Вера легла спать с чувством выполненного долга.

И снова ей приснилась та же женщина. Теперь она сидела на скамейке в городском саду в том самом платье и фате и что-то шила. Вера подошла ближе – и похолодела. Женщина держала в руках ее катушки с нитками. Нити современные, синтетические, идеально ровные. И этими нитками она зашивала разрыв на фате – грубо, крупными стежками, не по правилам, не по рисунку.

– Что вы делаете? – хотела крикнуть Вера. – Это же не так! Вы все портите!

Но женщина подняла голову, и Вера увидела ее лицо. Очень знакомое лицо. Те же глаза, что у прабабушки на старых фотографиях, тот же разрез губ. И взгляд – живой, теплый, чуть насмешливый.

– Не мешай, моя хорошая, – сказала женщина. – Я знаю, что делаю.

Вера проснулась. Было три часа ночи. Луна светила в окно так ярко, что комната казалась залитой молоком. Вера встала и подошла к столу.

Катушки снова не хватало.

Она обвела взглядом комнату и вдруг заметила на подоконнике мокрый след. Кошачья лапа. Отчетливо – пять подушечек. Вера распахнула окно. Внизу, во дворе, никого не было. Только лужи блестели после недавнего дождя.

– Кот, – сказала Вера вслух. – Готова поспорить, этот тот самый мокрый кот.

Она вспомнила Ваньку – его влажную шерсть, пристальный взгляд, то, как он сидел у комода, будто на самом деле знал, что там лежит фата. И то, как старик отзывался о рыжем.

– Особенный, значит, – прошептала Вера. – Ну-ну…

Она достала из шкафа новую катушку, положила на видное место и села в кресло, погасив свет. Ждать пришлось долго. Луна ползла по небу, тени двигались, Вера начала клевать носом, но заставила себя не спать.

Около пяти утра, когда небо на востоке уже начало сереть, на подоконнике появилась тень. Ванька сидел снаружи, на узком карнизе, и смотрел в комнату. Вера затаила дыхание. Кот подождал, затем ловко, одним движением, просунул лапу в щель между рамами (Вера и не заметила, что окно не заперто до конца), нажал на шпингалет и открыл створку. Спрыгнул на пол. Прошел к столу, даже не оглядываясь, точно был у себя дома. Взял катушку зубами, аккуратно, не повредив нитку, и повернулся к окну.

Вера включила свет.

– Стоять, – сказала она негромко.

Кот замер. Он не бросил катушку, не попытался убежать. Он просто сел на пол, поджав хвост, и посмотрел на Веру. В его желтых глазах не было ни страха, ни вины. Было спокойствие и какое-то терпеливое ожидание. Будто он давно предвкушал эту встречу.

– Ты зачем мои нитки воруешь, негодник? – спросила Вера, сама удивляясь тому, что говорит с котом.

Кот моргнул. Один раз. Медленно.

– Погоди, может, и ты мне снишься? – продолжала Вера. – Как та женщина.

Кот моргнул снова. Или ей показалось?

– Отдай катушку!

Кот не двинулся.

Вера встала и сделала шаг к нему. Кот подобрался, но не убежал. Она протянула руку – он чуть отстранился, но катушку не выпустил. Они стояли так посреди комнаты, освещенные резким электрическим светом, – женщина в ночной рубашке и большой полосатый кот с катушкой ниток в зубах.

– Так, ладно, – сказала Вера и к своему удивлению села на пол, прямо на холодный паркет. – Ну заберешь ты ее. Но зачем?..

Кот, видимо, решив, что аудиенция окончена, неторопливо пошел к окну. У самого подоконника он остановился, обернулся и посмотрел на Веру так, что ей стало не по себе. В этом взгляде было что-то… человеческое. Слишком понимающее.

А потом он прыгнул в окно и исчез.

Вера подошла к подоконнику, высунулась наружу. Никого. Только мокрые следы на черепице крыши соседнего флигеля вели куда-то вверх, к трубам.

В эту ночь она больше не спала.

* * *

Следующие две ночи проходили по одному сценарию. Вера оставляла катушку, пряталась в кресле, кот приходил и забирал ее. Мышеловки, которые Вера расставила вокруг стола, он обходил с таким видом, будто это были забавные игрушки, не стоящие внимания. Окна Вера закрывала – кот умудрялся открывать их снаружи, просовывая лапу в любую щель. Казалось, его не остановить.

Осталась последняя катушка.

Вера решила: этой ночью она последует за вором.

Она надела теплый плащ, удобные ботинки, положила в карман фонарик. Спряталась в кресле и стала ждать. Кот пришел, как обычно, около четырех. Взял катушку, глянул в сторону кресла (Вера на миг замерла и даже перестала дышать) и направился к окну.

Как только он исчез, Вера вскочила и выбежала на лестницу. Она успела заметить, как его тень мелькнула во дворе и ускользнула в подворотню.

Ночной город был пуст. Фонари горели вполнакала, луна спряталась за облака, и улицы казались декорациями к незнакомому готическому спектаклю. Вера бежала за котом, стараясь

не упустить его из виду. Он двигался быстро, но не слишком, будто дразнил, будто проверял, последует ли она за ним.

Они миновали несколько переулков, вышли на набережную, потом свернули в старую часть города, куда Вера почти никогда не заходила. Дома здесь стояли низкие, с покатыми черепичными крышами, окна были темные, мостовые – булыжные, стертые временем.

Кот привел ее на площадь, которой Вера никогда раньше не видела. Небольшая, треугольная, зажатая между тремя старыми зданиями с облупившейся штукатуркой. В центре площади стоял фонтан.

Он был старый, чугунный, в виде огромной чаши, поддерживаемой тремя каменными русалками. Русалки давно облысели, носы у них были отбиты, из губ не текла вода. Фонтан был сух – точно еще с прошлого века. Но в эту ночь при свете выглянувшей луны чаша казалась наполненной. Не водой – светом. Гладкая зеркальная поверхность, в которой отражались звезды.

Кот подошел к фонтану, легко забрался на край чаши, постоял, глядя вниз, и прыгнул внутрь. Вера ахнула. Но вместо глухого удара о камень раздался всплеск. Настоящий звонкий всплеск воды.

Она подбежала к фонтану. Чаша была совершенно пуста – ни воды, ни кота. Только мокрые следы на дне, быстро исчезающие на глазах. И странный запах – лета, травы, сирени. Теплый пар поднимался от фонтана, хотя ночь была прохладной.

Вера протянула руку и коснулась края чаши. Пальцы встретили не холодный камень, а что-то иное. Зыбкое, теплое, податливое, как кромка речной воды.

Она знала, что это безумие. Что так не бывает. Что она, взрослый человек, реставратор с дипломом и рассудком, не должна лезть в какой-то старый фонтан посреди ночи. Но катушка была последняя… И фата наконец нашлась. И прабабушка из сна… Вера вдруг поняла, что должна это сделать. Не ради ниток. Ради себя и всего, что ей ценно.

Она перелезла через край и шагнула в пустоту.

* * *

Девушка ожидала падения, удара, холода – но не было ничего. Был миг темноты, легкое головокружение, будто на карусели, а потом свет ударил в глаза – яркий, солнечный, как настоящий.

Вера стояла на земле. Высокая, сочная, зеленая трава, такой в городе давно не видывали. Над головой – синее-синее небо с легкими облачками. Пели птицы. Пахло сиренью, нагретой землей и еще чем-то сладким вроде пирожков с яблоками.

Она огляделась. Город был тот же, но другой. Дома – знакомые, но чистые, покрашенные, без кондиционеров и проводов. Вывески – старые, с вензелями. По мостовой проехал извозчик, лошадь цокала копытами. Дама в длинном платье и шляпке толкала перед собой детскую коляску на огромных колесах.

Вера стояла посреди этого сна наяву, чувствуя, как кружится голова. Она опустила взгляд на руки – на часах на запястье светились цифры «04:17». А вокруг был ясный полдень.

– С ума сойти… – сказала она вслух. Голос прозвучал глухо, будто ватный.

– Не сойдешь, – раздалось рядом.

Вера обернулась. На скамейке, укрытой тенью старого клена, сидел Ванька. Не тот вечно мокрый ниточный воришка, а вроде бы и такой же, да только шерсть у него теперь была сухая и пушистая. Он сидел и смотрел на Веру с выражением, которое у людей называется «ну наконец-то».

– Ты… ты говоришь? – прошептала Вера.

Кот моргнул и отвернулся. Говорить он, видимо, не собирался. А может, и прошлая фраза ей всего лишь почудилась… Вместо слов он поднялся, потянулся и неторопливо пошел по дорожке вглубь парка. Вера не раздумывая пошла следом.

Они вышли к небольшой площади с тем же фонтаном, но сейчас из него била вода, чистая и прозрачная, и дети бегали вокруг с сачками. Кот обогнул фонтан и направился к скамейке, стоявшей чуть поодаль, у кустов сирени.

На скамейке сидели двое.

Молодая женщина в светлом платье – та самая, из сна. Прабабушка Лидия. Рядом с ней – мужчина, тонкий, интеллигентный, в светлом костюме и шляпе, которую он держал в руках. Лицо у него было грустное, глаза – преданные, как у пса, которого оставляют дома.

Вера замерла за кустом и стала смотреть. Сердце ее колотилось где-то в горле.

– Лида, – говорил мужчина, голос у него был негромкий, с легкой хрипотцой. – Лидонька, не ходи за него. Я без тебя пропаду. Ты же знаешь.

– Павел, – отвечала Лидия, и голос ее дрожал. – Пашенька, не надо. Ты же сам знаешь: родители велят. У тебя дорога дальняя, ты уедешь, а я здесь останусь, одинешенькой. А он свой, надежный, дом у него, лавка. Маменька говорит: пристроит меня хорошо…

– А ты? – спросил Павел. – Ты-то сама чего хочешь? К нему?

Лидия помолчала, глядя в сторону. Потом повернулась к мужчине, и Вера увидела, что глаза у нее на мокром месте, хотя она и пытается улыбаться.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, Паша. А со мной… Со мной ты счастлив не будешь. Я ведь, знаешь, как говорят, своенравная, языкастая. Мне в твоем научном обществе непросто. Скажу еще что-то не к месту, тебе потом хуже сделают… А он… Говорят, тихий, добрый. Может, и правда судьба.

– Судьба не судьба, – горько сказал Павел. – А только знай: я тебя век помнить буду. Где бы ни был.

Лидия вдруг ахнула, посмотрела на подол:

– Ой, фата! Гляди-ка, порвала! Ну вот, всегда я все порчу, всегда у меня не как у людей… Маменька убьет – кружево-то дорогущее, заказывали специально у мастерицы, папенька денег столько отдал…

На фате, там, где она касалась земли, виднелся разрыв. Небольшой, но заметный.

Лидия заметалась, достала из ридикюля нитки – старые, льняные, грубоватые, начала шить. Но нитки рвались, путались, не слушались. Лидия всхлипывала, злилась, колола пальцы.

– Да что ж это такое! – воскликнула она, слезы пустились по щеке. – И тут неладно!

И вдруг из кустов, где стояла Вера, вышел Ванька. Он подошел к Лидии и ткнулся головой ей в ноги. Лидия от неожиданности вздрогнула, потом увидела кота, и лицо ее изменилось. Она погладила его, улыбнулась сквозь слезы:

– Ты откуда, пушистик? Заблудился? Пришел утешить, да?

Вера смотрела и не верила своим глазам. Лидия по-детски шмыгнула носом, погладила кота и снова взялась за нитки. И вдруг – Вера видела это совершенно ясно – пальцы ее перестали дрожать. Она завязала узелок. Быстро, решительно, некрасиво, но крепко. Узелок вышел крупный, не по правилам, заметный. Лидия посмотрела на него, потом на Павла, затем снова на узелок и сказала тихо, но отчетливо:

– Вот. Пусть будет так. На счастье. Чтобы я тебя всегда помнила, а он меня полюбил. Так и будет!

Павел наклонился, поцеловал ее в лоб, встал и пошел прочь по аллее, смахивая со щеки соленые капли. Лидия смотрела ему вслед, гладила кота, и по скулам текли ручейки слез. Но она улыбалась.

Вера стояла за кустом и чувствовала, как у нее самой щиплет глаза. Она вдруг поняла то, чего не понимала раньше: этот узелок не корявая оплошность. Это ценная память. Это выбор.

И нитки, которые она, Вера, так тщательно подбирала, которыми хотела заменить грубую старую нить… они бы стерли это. Сделали бы фату идеальной, но мертвой.

Она хотела шагнуть вперед, заговорить с Лидией, но вдруг мир вокруг поплыл, закрутился, и девушка снова почувствовала знакомое головокружение.

* * *

Вера очнулась на бортике фонтана. Ночь, луна, холодный камень. Вокруг ни души. Фонтан по-прежнему сух и пуст.

Вера сидела, обхватив себя руками, и дрожала. От холода? От потрясения? Она не знала. Рядом, на краю чаши, сидел Ванька. Он держал в зубах фату. Ту самую, уже зашитую по краям, но пока с узелком.

Вера осторожно взяла ее. Кружево было теплым, как живое. Она провела пальцем по узелку.

– Спасибо, – сказала она тихо.

Ванька посмотрел на нее, спрыгнул с фонтана и пошел прочь, в темноту переулка. Но через несколько шагов остановился, обернулся и мяукнул. Один раз. Коротко. Будто сказал: «Идем, чего расселась».

Вера поднялась и пошла за ним.

Они брели по ночному городу долго. Вера не узнавала улиц, но кот вел ее уверенно. И наконец вывел к дому. Вера поднялась на свой этаж, открыла дверь, вошла в комнату. Ванька вошел следом без приглашения, прошел к креслу, запрыгнул в него, свернулся клубком и закрыл глаза.

Вера села за стол, разложила фату. При свете лампы узелок выглядел еще более явным, некрасивым, кривым. Но теперь Вера смотрела на него иначе. Она видела руки Лидии, ее слезы, ее улыбку. Она слышала ее голос: «На счастье».

– Ну что ж, – сказала Вера вслух, обращаясь неизвестно к кому – к коту, к Лидии, к себе самой. – Пусть теперь будет так… Криво, косо. Но живо, что ли…

Она погладила кружево, потом встала, подошла к креслу и, поколебавшись секунду, погладила кота. Ванька приоткрыл один глаз, посмотрел на нее и снова закрыл. Замурлыкал тихо, едва слышно.

Вера вдруг поняла, что в ее доме есть кто-то живой, кроме нее. И впервые в жизни ее это не раздражает. Не мешает. Не нарушает порядок.

Наоборот – делает комнату теплее.

Она легла на диван не раздеваясь и заснула почти мгновенно. И в эту ночь ей ничего не снилось. Впервые за долгое время.

* * *

День прошел странно. Вера не работала. Она просто сидела в кресле, пила чай, который то и дело остывал, потому что она забывала о его существовании, смотрела на фату, на кота, на солнечные зайчики на стене. Мысли текли медленно, как патока, и Вера не пыталась их ускорить или направить.

Она думала о Лидии. О том, какая она была – живая, горячая, умеющая и плакать, и смеяться в одну минуту. О том, как, порвав фату, не стала убиваться, а завязала узелок и легко сказала: «На счастье». О том, что ее счастье действительно случилось – бабушка рассказывала, что Лидия прожила с прадедом сорок лет, вырастила троих детей и все ее любили, ценили.

А ведь она любила другого. И носила в себе эту любовь какое-то время, а может, и всю жизнь. И ничего – не рассыпалась, не озлобилась, не стала сухой и «правильной». Наоборот – в ней было столько тепла, огня, что хватало на всех.

Вера посмотрела на руки. Сухие, аккуратные, с коротко остриженными ногтями. Руки мастерицы. Руки, которые умеют все исправлять, но не умеют… что? Жить?

В уме всплыли слова Савелия: «Ты как музей. Все правильно, а дышать нечем». Тогда она обиделась. А теперь подумала: в чем-то он был прав. Он увидел то, что она сама в себе намеренно не замечала.

– Я все время что-то чиню, пытаюсь быть подходящей, идеальной. Чтобы мной гордились, любили… – сказала Вера. Ванька поднял голову, посмотрел на нее и снова уронил морду на лапы. – Чиню вещи, чиню свои недостатки, чиню жизнь. А надо, наверное, иногда просто оставить как есть.

Она подошла к столу, взяла фату. Узелок был на прежнем месте – заметный, живой. Вера провела по нему пальцем и вдруг улыбнулась.

– Хороший узелок у Лиды, – сказала она.

Вечером она достала фотографию прабабушки – ту самую, где Лидия стоит вполоборота, и поднесла ее к фате. Совместила узор. Да, это была та самая фата. И узелок на фотографии, если присмотреться, был виден – маленькая неровность, которую раньше Вера принимала за тень или дефект снимка.

Он всегда был там. Просто она не хотела его видеть.

Ванька запрыгнул на стол, лег рядом с фатой, поджав лапы, и закрыл глаза. В комнате было тихо, тепло, и в этой тишине Вера вдруг отчетливо поняла: она дома. Не в квартире, не в мастерской, а дома. Внутри себя.

* * *

Через три дня Вера собралась и пошла в лавку на Подвальной, к Семену Марковичу. Не за чем-то конкретным – просто хотела сказать спасибо. И показать фату. И еще спросить про кота. Ванька утром исчез, и Вера почему-то была уверена, что найдет его в лавке.

Так и вышло.

Кот сидел на своем обычном месте – на табурете у кассы – и с самым невинным видом умывался. Увидев Веру, он лишь покосился на нее желтым глазом и продолжил свое занятие.

– А, реставраторша, – приветствовал ее Семен Маркович из-за прилавка. Он протирал крышку часов. – Ну, рассказывай. Как фата? Починила?

– Да знаете, – сказала Вера. – Я… я не стала ее реставрировать.

Старик поднял брови, отложил часы, снял очки и посмотрел на Веру внимательно, по-новому.

– То есть как? – спросил он. – Ты же говорила – восстановишь идеально.

– Была неправа, – ответила Вера просто. – Там узелок. Его не стоит трогать. Это… это очень ценная память.

Она развернула сверток и показала фату старику. Тот долго рассматривал узелок, трогал его пальцами, потом кивнул.

– Понимаю, – сказал он. – В кривых штуковинах вся жизнь! И здесь она.

– Как вы поняли? – спросила Вера.

– Я много чего понимаю, – усмехнулся старик. – Часы чинить – это настоящие игры со временем. А время, оно знаешь какое хитрое! Как квантовый физик в прошлом говорю тебе: его не починить, только принять можно. Я вот всю жизнь сперва изучал, потом без конца чинил, чинил, чинил… Думал, если все правильно сделаю – и в прошлом, и в настоящем, – то и буду счастлив. Ан нет…

Он замолчал, глядя куда-то в сторону, в пыльный угол лавки. Вера ждала.

– У меня, знаешь, тоже в жизни бед хватало. И я верил, что квантовая физика, временная сингулярность и есть мой ответ… Думал, может, я однажды коснусь минут, исправлю все. А Ванька, мой драгоценный Иван Палыч, пришел и показал: не исправишь. И не надо пытаться. Потому что прошлое случилось, и все, это уже важно.

– Ванька показал? – переспросила Вера.

– Говорю ж, кот он особенный. – Старик усмехнулся. – Говорят, таких называют Хранителями. Их знаешь как мало! Он видит разрывы – где время истончилось, где боль слишком сильная. И он ходит туда-сюда, носит вещи, меняет… не судьбу, нет. Равновесие носит. Чтобы боль растворилась. Чтобы люди помнили, но не мучились. Я вот думаю, что он так счастьем наполняет. По-своему.

Вера посмотрела на Ваньку. Кот сидел на табурете, жмурился, и вид у него был самый обыкновенный, даже скучающий.

– Он у вас останется? – спросил старик.

– Да не знаю даже, – растерялась Вера. – Я думала, он у вас живет.

– Он живет, где ему надо, – ответил старик. – Думаю, ты ему тоже нужна… Или, может, он тебе. Кто ж этого косматого поймет.

Вера подошла к Ваньке, протянула руку. Кот открыл глаза, посмотрел на нее, потом неторопливо встал, потянулся, перебрался с табурета к ней на руки. Тяжелый, теплый, мурлыкающий.

– Ну вот, – улыбнулся старик. – Сам решил.

* * *

Прошло полтора месяца.

Город за окном поседел, задышал холодом, иногда сыпал мелким снежком, который тут же таял на асфальте. Вера сидела в своей комнате. На подоконнике поселился цветок – небольшой фикус в горшке, подарок соседки («А то скучно у тебя, как в больнице»). На столе, среди инструментов, лежала раскрытая книга, даже не по реставрации или истории народного костюма, – просто книга с историями, для интереса. И в кресле, свернувшись клубком, спал Ванька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.